Меркулова Ольга Геннадьевна
старший преподаватель
ФГКВОУ ВО «Рязанское высшее воздушно-десантное
ордена Суворова дважды Краснознаменное командное училище
им. генерала В.Ф. Маргелова» Минобороны России
г. Рязань, Рязанская область

САТИРА В ТВОРЧЕСТВЕ Э.Т.А. ГОФМАНА И Н.В. ГОГОЛЯ

Аннотация*: в статье обоснована актуальность изучения русско-немецких литературных связей, а именно сатирического в Э.Т.А. Гофмана и Н.В. Гоголя. Выявлены цели использования сатиры в произведениях каждого из писателей. Найдены общие черты сатирического в прозе Гофмана и Гоголя: критика обывателя, внимание к «маленькому человеку» и негодование по отношению к его обидчикам, обличение представителей власти, использование гротеска как приема, помогающего разоблачить недостатки как общественного устройства в целом, так и конкретных черт человеческого характера.*

Ключевые слова*: сатира, романтизм, реализм, тема «маленького человека», гротеск.*

В литературоведении одним из непростых, еще и недостаточно изученных является вопрос о литературных связях России и Западной Европы в XIX веке. Проблема русско-немецких литературных связей на протяжении многих десятилетий является предметом многочисленных дискуссий. Исследователи, касавшиеся вопроса связей в творчестве Эрнста Теодора Амадея Гофмана и Николая Васильевича, решали проблему различным образом. Так, в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Н.Г. Чернышевский говорил: «Считаем нужным отметить, что с Гофманом у Гоголя нет ни малейшего сходства: один сам придумывает, самостоятельно изобретает фантастические похождения из чисто немецкой жизни, другой буквально пересказывает малороссийские предания («Вий») или общеизвестные анекдоты («Нос»); какое же тут сходство?» [14, с. 160]. Для Чернышевского творчество Гоголя было связано в

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

первую очередь с реалистическим, конкретным изображением быта и жизни. В сопоставлении обоих писателей он усматривал попытку отторгнуть Гоголя от «натуральной школы» и противился этому. Г.Я. Гуковский, А.В. Михайлов также не находили сходства у немецкого и русского писателя. Но такой позиции придерживались далеко не все литературоведы [8; 10].

А.Б. Ботникова отмечает, что в России в XIX веке наблюдалось увлечение творчеством Гофмана. Но Гоголь «не только читал Гофмана, но и по характеру мироощущения был близок ему» [2, с. 108]. При этом говорит, что процесс усвоения опыта немецкого романтика не носил характера простого заимствования, а включал в себя его элементы в диалектически воспринятом и переработанном виде. «Творческая индивидуальность Гоголя, – утверждает Ботникова, – сама по себе была настолько сильной и самобытной, что любое влияние со стороны с неизбежностью поглощалось и почти полностью растворялось в его собственной художественной стихии» [2, с. 109]. По мнению Кулешова, у Гоголя сатира была более явной, жесткой, суровой, все реже по мере творческой эволюции приукрашенная вымыслом, фантастикой. В книге «Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке» он писал: «Какой бы выигрышный, поэтический смысл ни приобретали добрые и злые волшебники у Гофмана (автор имел в виду, прежде всего, сказки писателя «Золотой горшок», «Крошка Цахес», «Повелитель блох»), это – иллюзорное, утопическое разрешение коллизий, софистика, романтика, слабо проникавшего в социальную суть явлений. Гоголь не предлагал искусственных решений как писатель более социальный и более последовательный» [9, с. 172]. Итак, мы видим, что критики высказывают различные мнения по этому вопросу, поэтому рассмотрение сатиры в творчестве Гоголя и Гофмана приобретает особый смысл.

В немецком романтизме первой четверти XIX века, ярким представителем которого и был Гофман, проявляется неприятие нового, буржуазного миропорядка после свершившихся революций и выражается разочарование в результатах перемен в новом капиталистическом обществе. Неприятие романтиков вызывают условия Германии того времени с ее мелкокняжеским абсолютизмом и

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

атмосферой социального застоя. В противовес убогой социальной жизни они создают особый поэтический мир, обладающий для них истинной ценностью. Реальность же для них представляется хаосом, произволом роковых сил. Пропасть между двумя мирами – реальным и идеальным – непреодолима для романтиков. Объектом презрения и насмешки становится немецкий обыватель – филистер, эгоизму и бездуховности которого противопоставляется самоотверженное служение искусству. Героем романтической литературы является поэт, музыкант, художник в какой-то мере с по-детски наивной душой, человек, ищущий идеал. Все творчество Гофмана пронизывает ощущение двойственности бытия, мучительного разлада между идеалом и действительностью, однако писатель никогда не терял из виду земную реальность, действительность. Гофман с удивительной прозорливостью уловил пороки и противоречия своего времени, и, на наш взгляд, обвинение со стороны представителей советской критики в кукольности, отсутствии реалистичной основы (имея в виду, прежде всего, высказывание Кулешова: «Гоголь более очеловечивает своих героев, реалистически мотивирует их поступки. У Гофмана это не обязательно, они – куклы, застывшие в позах» [9, с. 174]) в художественном мире этого писателя не оправданы.

Русский романтизм возник в иных условиях, нежели западноевропейский. В отечественном направлении сказалось разочарование передовых русских людей в существующих самодержавно-крепостнических порядках, неясность представлений о путях исторического развития страны. С другой же стороны, в русском романтизме выразилось начавшееся пробуждение общенациональных сил, стремительный рост общественного и личного самосознания. Для романтического миросозерцания свойственна мечта о полном обновлении, о коренном переустройстве мира и человека, страстное стремление наперекор логике, фактам, рассудку, реальности к возвышенному идеалу, недостижимому, не всегда ясному, но властно подчиняющему себе душу художника. К романтизму Гоголь обращался на начальном этапе творчества, в частности в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», впоследствии он полностью перешел на позиции реа-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

лизма («Ревизор», «Мертвые души»), и теперь сатира для него оказалась основным средством резкого, критического обличения социальной несправедливости.

Для творчества Гоголя и Гофмана характерно чувство глубокого противоречия между мечтой, идеалом, собственными представлениями и несовершенством окружающей действительности, это вызывало у русского и немецкого писателей обостренность и дисгармоничность сознания. Следствием такого мироощущения стала сатирическая критика общественного устройства в целом, обывателей, житейской пошлости во всех ее проявлениях.

Слово *«сатира»* произошло от латинского слова satira; более раннего satura, что означает «смесь, мешанина всякую всячину. В литературоведении она определяется как вид комического, как беспощадное, уничтожающее переосмысление объекта изображения и критики, которое разрешается смехом, а также как специфический способ художественного воспроизведения действительности, раскрывающий ее как нечто несообразное, несостоятельное [11].

И Гоголь, и Гофман на страницах своих произведений сатирически показывают обывателя – человека малодушного, занятого только своими узкими бытовыми интересами. Гофман выступил как замечательный мастер сатиры в «Жизненных воззрениях кота Мурра». Кот Мурр – это тип просвещенного филистера, философ, моралист. Он более склонен в большей мере к возвышенным размышлениям, чем к практической деятельности. Со всей своей любовью к теоретическим отвлечениям он ничем не отличается от той бюргерской массы, фантазии которой не выходят за пределы мелкой буржуазной практики. Философские воззрения складывались на чердаке. Поэтому как бы высоко ни взлетала мысль этого кота, в конечном счете она возвращалась все равно на чердак к прозаическим темам о сытой пище, приятных развлечениях. Мурр поет гимн сытости и довольству. О ценностях этого персонажа говорит его восторженная фраза: «О аппетит, имя тебе – кот!» Сказочная повесть «Крошка Цахес по прозванию Циннобер», как предполагают традиции жанра, заканчивается торжеством справедливости и счастливым воссоединением двух сердец – Бальтазара

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

и Кандиды. Однако идиллия, которая их ждет, мало привлекательна для художника. Это только житейское благополучие и уют, филистерская мечта, далекая от романтического ореола. «Бальтазар, вняв советам Проспера Альпануса, извлекая разумную пользу из обладания чудесной усадьбой, сделался в самом деле хорошим поэтом, а так как другие свойства этого имения, о которых говорил, имея в виду Кандиду, Проспер Альпанус, вполне оправдались и так как Кандида никогда не снимала ожерелья, подаренного ей на свадьбе канониссой Розеншен, то Бальтазар зажил в счастливом супружестве, радости и блаженстве, как только мог когда-либо зажить поэт с прелестной и молодой женой» [7].

Жизнь Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны в «Старосветских помещиках» Гоголя тоже ограничивается отдыхом и едой. Например, за час до обеда Афанасий Иванович что-нибудь закусывал. Потом обедали, причем разговор во время обеда велся вокруг еды. После часового отдыха Афанасий Иванович ел арбуз, груши. Погуляв немного, он интересовался: «Чего бы такого поесть мне, Пульхерия Ивановна?». И чего-нибудь обязательно съедал. Гоголь целеустремленно, последовательно раскрывает пустоту, бессодержательность жизни своих героев, все помыслы и интересы которых вертятся вокруг еды и питья. Перед смертью Пульхерия Ивановна стремится проявить заботу о муже, но и опять все мысли вертятся вокруг еды. Она обращается к ключнице: «Смотри мне … когда я умру, чтобы ты глядела за паном, чтобы берегла его, как глаза своего, как свое родное дитя. Гляди, чтобы на кухне готовилось то, что он любит» [5]. Мелочная, никчемная, смехотворная деятельность героя сатирически изображается и в повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». В полку Иван Федорович не нарушал дисциплины, не пьянствовал. «И взводом своим так командовал, что ротный командир всегда ставил его в образец». Вместе тем в полку отчетливо проявилась его бездуховная, паразитическая натура. «Когда другие разъезжали на обывательских по мелким помещикам, он, сидя в своей квартире, упражнялся в занятиях, сродных одной кроткой и доброй душе: то чистил пуговицы, то читал гадательную книгу, то ставил

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

мышеловки по углам своей комнаты, то, наконец, скинувши мундир, лежал на постели» [3]. Гоголь явно издевается над своим героем, кроткость и доброта души которого проявляются в чистке пуговиц, чтении гадальной книги и установке мышеловок. В «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголь рисует типичных представителей поместного дворянства, тоже обывателей. На первых же страницах повести главные героя охарактеризованы самыми высокими словами. «Прекрасный человек Иван Иванович!» – восклицает Гоголь. Далее он продолжает: «Какой у него дом в Миргороде! Вокруг него со всех сторон навес на дубовых столбах, под навесом везде скамейки». Вместо изображения духовных качеств Ивана Ивановича, которые должны подтвердить, что он и самом деле прекрасный человек, дается описание его собственности. Прекрасный человек Иван Иванович!» – второй раз восклицает писатель и подкрепляет свое утверждение тем, что герой его «очень любит дыни» [4].

Еще одна тема, сближавшая Гоголя и Гофмана – это тема «маленького» человека. «Маленький человек» – это тот, кто находится на низшей ступени социальной иерархии, кто оказывается непонятым, непризнанным, притесняется людьми, имеющими власть. У Гофмана эта тема раскрывается: главным героем сказки «Золотой горшок» – студентом Ансельмом, который про самого себя говорит, что родился для несчастий. Ансельм считается обывателями сумасшедшим, поскольку он влюбился в чудесную змейку, в которую колдунья превратила девушку Серпентину, которая оказывается дочерью архивариуса Линдгорста. «Маленьким человеком» можно назвать, безусловно, и самого архивариуса, изгнанника, полюбившего зелёную змейку, дочь лилии, которая росла в саду князя духов, оказавшегося заколдованным после борьбы за свою любовь. Окружение считает студента и архивариуса душевно больными, странными; мечтания же самих обывателей сказки ограничиваются стремлениями к власти, к высокому чину, житейским удовольствиям. Гофман сатирически изображает этих персонажей: так, например, Вероника перестает видеть Ансельма в статусе своего жениха, когда узнает, что тому не суждено стать надворным советником.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Симпатии автора, безусловно, на стороне людей, не предавшим свою любовь вопреки всем трудностям и житейским соблазнам.

Тема «маленького человека» является одной из самых актуальных для русской литературы, особенно «гоголевского» направления. Эта тема в полной мере реализуется в повести «Шинель», главный герой которой – чиновник Башмачкин. Так, после кражи шинели Башмачкину советуют сходить на следующий день к квартальному надзирателю. Представление об этом представителе власти создается словами квартирной хозяйки, которая, узнав о случившемся, «всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо к частному, что квартальный надует, пообещает и станет водить». Поход Башмачкина к частному приставу также не привел к результату. «Вместо того чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич сконфузился совершенно и вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели или нет». В свой собственный департамент Акакий Акакиевич вернулся «весь бледный и в старом капоте своем, который сделался еще плачевнее». Чиновники решили сделать для пострадавшего складчину. Далее писатель вводит моменты, которые придают повествованию сатирический характер. Чиновники собрали «самую безделицу, потому что чиновники и без того уже много истратились, подписавшись на директорский портрет и на одну какую-то книгу, по предложению начальника отделения, который был приятелем сочинителю, – итак, сумма оказалась самая бездельная». Гоголь, нарисовав хождение главного героя по низшим полицейским инстанциям, направляет его затем в бюрократические верхи. Рисуя образ значительного лица, писатель не указал на его должность: он изобразил образ собирательный, воплощающий высокопоставленных сановников различных должностей. Гоголь подчеркивал, что значительное лицо стремился казаться еще более значительным. Он «завел, чтобы низшие чиновники встречали его еще на лестнице, когда он приходил в должность; чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло все порядком строжайшим: коллежский

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

регистратор докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь – титулярному или какому приходилось другому…». В образе значительного лица блестяще выражена бюрократическая иерархия самодержавного государства. В каждом сановнике, в каждом начальнике отражается другой начальник – стоящий ступенькой выше. «Приемы и обычаи значительного лица были солидны и величественны, но не многосложны. Главным основанием его системы была строгость». Гоголь пишет: «Обыкновенный разговор его с низшими отзывался строгостью и состоял почти из трех фраз: «Как вы смеете? Знаете ли вы, с кем говорите? Понимаете ли, кто стоит перед вами?» [6]. Именно в строгости, возведенной в норму, заключалась сущность внутренней политики Николаевской системы. Писатель нарисовал образ обобщающего значения, а принципы сатирической типизации будут впоследствии восприняты и развиты Салтыковым-Щедриным.

Оба писателя сатирически высмеивали тех, кто мешает и не позволяет «маленькому» человеку достичь счастья и общественного благополучия: правителей, чиновников, обычных обывателей.

Обличить пороки окружающей действительности помогало обращение к гротеску. Гротеск (от французского – причудливый) – условный вид фантастической образности, демонстративно нарушающей принципы правдоподобия, в котором причудливо и алогично сочетаются несочетаемые в реальности образные планы и художественные детали [12]. В творчестве Гофмана гротеск выступает как одно из средств художественного восприятия действительности. И Гоголю, и Гофману свойственно стремление с помощью гротескной ситуации раскрыть ненормальность привычных явлений жизни, показать их критически. Гротескная ситуация, рассказанная, к примеру, в гоголевской повести «Нос», прежде всего, смешна, а история возвышения Цахеса в сказке Гофмана, хотя и полна внешнего комизма, тем не менее, по словам Ботниковой, несет элемент страха писателя перед непостижимыми загадками жизни [2, с. 148]. «Мир романтического гротеска, по мнению М.М. Бахтина, – это в той или иной степени страшный и чуждый человеку мир. Все привычное, обычное, обыденное, обжи-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

тое становится вдруг бессмысленным, сомнительным, чуждым и враждебным человеку [1]. Такой мир мы находим на страницах произведений Гофмана. По мнению Д.П. Николаева, в сатире Гоголя «впервые осуществлены принципы реалистического гротеска. Те самые принципы, которые впоследствии подхватит и разовьет Салтыков-Щедрин» [13]. Гротеск для Гоголя, по утверждению этого критика, является принципом исследования окружавшей его действительности; у Гофмана же это попытка бежать из этого мира. В.И. Кулешов справедливо замечал, что говорил, что гротеск используется и тем, и другим писателем, чтобы раскрыть несовершенство реальной жизни, прежде всего социального уклада тех государств, где жили и создавали свои произведения эти писатели» [9]. Обоим авторам свойственно стремление, используя гротескную ситуацию, раскрыть пороки общества и людей, разоблачить социальные порядки.

И Гофман, и Гоголь – писатели, критически относившиеся к общественному устройству, социальной несправедливости, обличить которые им помогала сатира. Но Гофман, будучи романтиком, отрицая действительность, искал спасения в романтических мечтах, искусстве, вымысле, отсюда – утопическое, иллюзорное разрешение конфликта. Сатира же Гоголя как писателя-реалиста была более явной, смелой. Но и русский, и немецкий писатели схожи в сатирическом изображении обывателя с мелкими житейскими интересами, представителей власти, мешающим «маленькому человеку» достичь счастья и справедливости, в использовании гротеска как художественного приема обличения пороков действительности, типов характеров человека.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанс [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1965. – С. 45.

2. Ботникова А.Б. Гофман и русская литература (первая половина XIX века) [Текст] / А.Б. Ботникова. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1977. – 206 с.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

3. Гоголь Н.В. Иван Федорович Шпонька и его тетушка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_1832_shponka_chern.shtml

4. Гоголь Н.В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ilibrary.ru/text/1070/p.16/index.html

5. Гоголь Н.В. Старосветские помещики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ilibrary.ru/text/1070/p.2/index.html

6. Гоголь Н.В. Шинель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0120.shtml

7. Гофман Э.Т.А. Крошка Цахес по прозванию Циннобер / Э.Т. А. Гофман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.litmir.me/br/?b=75861&p=1

8. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя [Текст] / Г.А. Гуковский. – М., Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 531 с.

9. Кулешов В.И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке [Текст] / В.И. Кулешов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 349 с.

10. Михайлов А.В. Гоголь в своей литературной эпохе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://culture.wikireading.ru/68916

11. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://niv.ru/doc/encyclopedia/literature/articles/174/satira.htm

12. Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: Интелвак, 2001. – С. 188.

13. Николаев Д.П. Сатира Гоголя [Текст] / Д.П. Николаев. – М: Художественная литература, 1984. – С. 248.

14. Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы [Текст] / Н.Г. Чернышевский. – М.: Художественная литература, 1984. – 511 с.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)